

К 150-летию со дня рождения

ЮБИЛЕЙНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
АКАДЕМИКА Е. В. ТАРЛЕ

ТАРЛЕ
ЕВГЕНИЙ ВИКТОРОВИЧ

ТАЛЕЙРАН.
Тайная
дипломатия

МОСКВА
2025

УДК 94(44)(092)«1754/1838»

ББК 63.3(4Фра)5-8

T20

К 150-летию со дня рождения академика *Е. В. Тарле*
На фронтисписе: Портрет Шарля Мориса Талейрана-Перигора.
Гравюра Огюста Гаспара Луи Буше Денуайе (1814 г.)
по живописному портрету Франсуа Жерара (1808 г.).

Тарле, Евгений Викторович.

T20 Талейран. Тайная дипломатия / Тарле Евгений Викторович. — Москва : Эксмо, 2025. — 704 с. : ил. — (Юбилейное собрание сочинений академика Е. В. Тарле. Том 6).

ISBN 978-5-04-213776-1

Этот том Юбилейного собрания сочинений выдающегося русского историка, академика Е. В. Тарле открывает одна из самых знаменитых его книг — «Талейран». Главный герой этого яркого исследования — французский политик и дипломат, непревзойденный мастер политической интриги Шарль Морис де Талейран-Перигор, истинный «отец лжи» европейской дипломатии, имя которого стало нарицательным для обозначения хитрости, изворотливости, ловкости, манипулирования, политического конформизма и беспринципности. Разносторонние научные знания, глубокое владение темой исследования, умение давать меткие характеристики историческим персонажам, образность, эмоциональность, ирония, то есть все то, что вкупе с пристальным вниманием к деталям является характерными чертами трудов Е. В. Тарле, в этой работе проявились во всем блеске литературного таланта автора. Неудивительно, что вышедшая первым изданием в 1939 г. и значительно дополненная в издании 1948 г. книга «Талейран» не только утвердила международный авторитет Е. В. Тарле как специалиста в области изучения европейской политики, но и принесла ему мировую славу автора эпохальных исторических бестселлеров.

Дополняют том исследования, лекции и выступления Е. В. Тарле, посвященные механизмам и хитросплетениям дипломатии щедрого на яркие события периода европейской истории: конца XVIII — первой половины XIX века. Прекрасным визуальным дополнением издания является тщательно подобранный и точно размещенный по ходу повествования документальный иллюстративный материал, представляющий действующих лиц эпохи, а также обстоятельства и места столкновения главных мировых держав в удовлетворении своих территориальных интересов — Франции, Англии, Российской, Австро-Венгерской и Османской империй.

УДК 94(44)(092)«1754/1838»

ББК 63.3(4Фра)5-8

© Иллюстрации, макет, оформление. Fortune Triumph Ltd., 2022

© Текст. Наследник, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-213776-1

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

Очередной том Юбилейного собрания сочинений выдающегося русского историка, академика АН СССР Е. В. Тарле составили избранные труды, посвященные механизмам и хитросплетениям дипломатии щедрого на яркие события периода европейской политической истории: конца XVIII — первой половины XIX века.

Открывает том одна из самых знаменитых книг историка — «Талейран». Главный герой этой книги — французский политик и дипломат, непревзойденный мастер политической интриги Шарль Морис де Талейран-Перигор, имя которого стало нарицательным для обозначения хитрости, изворотливости, ловкости, манипулирования, политического конформизма и беспринципности.

«Князя Талеярана называли не просто лжецом, но “отцом лжи”. И действительно, никто и никогда не обнаруживал такого искусства в сознательном извращении истины, такого умения при этом сохранять величаво-небрежный, незаинтересованный вид, безмятежное спокойствие, свойственное лишь самой непорочной, голубиной чистоте души, никто не достигал такого совершенства в употреблении фигуры умолчания, как этот, в самом деле необыкновенный, человек. Даже те наблюдатели и критики его действий, которые считали его ходячей коллекцией всех пороков, почти никогда не называли его лицемером... Что такое *убеждения* — князь Талейран знал только понаслышке, что такое *совесть* — ему тоже приходилось изредка слышать из рассказов окружающих... Он одарен был могучим, вечно бдительным, совершенно безошибочным инстинктом самосохранения, который всегда вовремя давал ему предостережения. Талейран этим инстинктом распознавал, где сегодняшняя сила и где у кого будет сила завтра, и спешил без колебаний перейти на ее сторону...» — вот только несколько цитат из представляемой современному читателю книги «Талейран».

Вышедшая первым изданием в 1939 г. и значительно дополненная в издании 1948 г. книга «Талейран» не только утвердила международный научный авторитет Е. В. Тарле как специалиста в области изучения европейской истории, но и принесла ему мировую славу автора эпохальных исторических бестселлеров.

Дополняют том исследования, лекции и выступления Е. В. Тарле, посвященные дипломатическим усилиям и политическим устремлениям мировых держав в удовлетворении своих территориальных «аппетитов» в конце XVIII — середине XIX вв.: Франции, Англии, Российской, Австро-Венгерской и Османской империй. Как лектор «Е. В. Тарле не прибегал к внешним эффектам — жестуляции, мимике, не играл своим голосом, никогда не поучал и не втолковывал, он даже не учил, а рассказывал и покорял глубиной и широтой своих знаний, изяществом изложения. Получалось впечатление, что лектор сообщает нам то, что сам видел и пережил... На наших глазах он творил, создавал красочные образы и великолепные картины», — писал один из учеников историка*.

Завершают книгу избранные статьи академика Тарле из знаменитейшего в свое время монументального коллективного 3-томного труда «История дипломатии», в сжатом и емком формате представляющие хитросплетения европейской дипломатии конца XVIII — середины XIX века.

Умение сочетать интереснейший фактический материал с научно-художественными обобщениями, а также мастерство блистательного рассказчика принесли Тарле небывалый успех не только в научной среде. Его литературный талант приобщил к истории многих читателей, которые совсем не интересовались наукой. Самуил Маршак выразил общее восхищение трудами и выступлениями Е. В. Тарле в стихотворении, посвященном историку в связи с его 75-летием:

*Не только тем нам дорог Тарле,
Что знает он о каждом Карле,
Что понят им Наполеон.
Нет, показал его анализ,
Как из Фуше развился Даллес,
Из Талейрана — Ачесон.*

* См.: На штурм науки. Воспоминания бывших студентов факультета общественных наук Ленинградского университета. Л., 1971. С. 69.

ТАЛЕЙРАН

ВВЕДЕНИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ (1939 г.)*

Князь Талейран-Перигор своей личностью и своей исторической ролью всегда повелительно приковывал к себе внимание исследователей. Особенно оживился интерес к нему в исторической литературе именно после мировой войны** и Версальского мира. Этот интерес не случаен. Он имеет совершенно определенные основания. Талейрана считали и называли всегда величайшим мастером дипломатического искусства, «королем дипломатов», а главное — пионером и основоположником новейшего дипломатического творчества, новых методов и приемов дипломатии. Раньше чем перейти к рассказу о жизни и характерных свойствах этого человека, остановимся на вопросе: каково было отличие новой, талейрановской дипломатии от традиционной деятельности его предшественников, старых виртуозов этого искусства? В немногих словах это отличие может быть охарактеризовано так: Талейран был дипломатом начинавшейся эпохи буржуазного владычества, эпохи победоносного наступления капитала и крушения феодально-дворянского строя, и именно Талейран первым уловил, в каком направлении следует видоизменить старые дипломатические навыки.

Следует сказать, что новая история дипломатии начинается, в сущности, лишь с XIV—XVI столетий, с образования и постепенного усиления больших «национальных» монархий, когда впервые стали возможны крупные внешние столкновения между державами. Во времена мелких феодальных драк между помещиками-государями раннего Средневековья дипломатии в точном

* Данное *Введение* было предпослано первому изданию книги. См.: *Тарле Е. В. Талейран.* — М.: Молодая гвардия, 1939. — (Жизнь замечательных людей. Выпуск 1 (145)). В расширенном издании книги (1948 г.) данное *Введение* было заменено новым, а некоторые выводы, замечания и оценки включены в главу I второго издания. В посмертном издании собрания сочинений (1957–1962) составители не включили ни один из вариантов *Введения*. Редакция нашего Юбилейного издания собрания сочинений Е. В. Тарле сочла нужным представить современному читателю оба варианта *Введения*.

** Речь идет о Первой мировой войне. (Здесь и далее, если не указано иное, — примечания Редакции.)

Риксканцлер Швеции
граф Аксель Густавссон Оксеншерна
(1583–1654)

смысле слова почти не существовало. Полная фактическая независимость феодалов от призрачной королевской или императорской власти превращала Европу в Средние века (до XV—XVI столетий) в конгломерат из нескольких тысяч карликовых «государств», непрерывно ссорившихся, мирившихся, снова дравшихся, снова мирившихся, и все это с непосредственной целью урвать лишний кус земли, или ограбить соседний замок, или угнать скот, принадлежащий чужой деревне.

В XVI—XVII веках, когда буржуазия стала уже постепенно поднимать голову и кое-где (в Голландии, потом в Англии) определенно влиять на дела, когда широко развернулась погоня европейских держав за заморскими богатыми странами, когда захват и раздел Америки, Индии, Индонезии стал на очередь дня,— искусная дипломатия как средство подготовки войны в наиболее выгодных условиях сделалась могущественным орудием успеха для любого из соперничавших государств.

Но именно на истории дипломатии этих последних предреволюционных столетий мы наблюдаем любопытнейшее подтверждение справедливости старинного изречения о том, что часто «мертвый хватает живого», что старые навыки далеко не сразу уступают место новым приемам и что иной раз основные условия работы давно уже изменились, а работающие не хотят или не в состоянии этого понять.

Возьмем наиболее ярких представителей старорежимной дипломатии. Если исключить гениального шведа, канцлера первой половины XVII века Аксея Оксеншерну*, — то что нас поражает

* Аксель Оксеншерна — выдающийся шведский государственный деятель, дипломат, соратник короля Густава II Адольфа.

и в Шуазеле*, французском министре середины XVIII столетия, и в графе Верженне**, и в талантливом австрийском канцлере Каунице***, не говоря уже о людях средних? Все они, руководители политики великих держав, сплошь и рядом ведут себя как прежние майордомы, «палатные мэры», или как добрые, brave, рачительные приказчики одного из былых феодалов-помещиков.

Понимание постоянных, длительно действующих исторических потребностей государства им почти всегда чуждо. Это люди сегодняшнего дня и сегодняшних капризов и настроений их повелителя. И вместе с тем слова «двор» и «правительство» для них всегда и во всех отношениях совпадают так же, как слова «двор» и «государство». Они служат абсолютному монарху, но лишь постольку, поскольку сам этот абсолютный монарх служит дворянству, аристократической, крупноземлевладельческой верхушке.

Горе ему, если он попробует хотя бы робко отклониться от этой линии! Когда Иосиф II, император Австрийский, вздумал только коснуться крепостного права, его дипломаты предали и продали его. Когда глава португальского правительства министр Помбаль**** попробовал проводить прежние буржуазные антифеодальные реформы, португальские дипломаты за его спиной стали подкапываться под его политику и прозрачно намекать и англичанам и испанцам, что хорошо бы укротить слишком ретивого реформатора. Внешняя политика дипломатии в этой отрасли государственной службы попала в прочное потомственное и вполне монопольное обладание к аристократическим родам; их представители, естественно, смотрели на эту монополию как на незаменимое средство поддерживать интересы своего класса всеми могущественными силами государственной внешней политики.

* *Этьен Франсуа де Шуазель* (1719–1785) — французский государственный деятель и дипломат эпохи Просвещения.

** *Шарль Гравье, граф де Верженн* (1719–1787) — французский государственный деятель и дипломат, государственный секретарь по иностранным делам при Людовике XVI.

*** *Венцель Антон Доминик Кауниц-Ритберг* (1711–1794) — выдающийся австрийский государственный деятель, глава внешнеполитического ведомства Священной Римской империи во второй половине XVIII в.

**** *Себастьян Жозе Помбаль* (1699–1782) — португальский государственный деятель, фактический правитель Португалии при короле Жозе I (третья четверть XVIII в.), один из наиболее ярких представителей просвещенного абсолютизма.

И вот, сначала во время революции, потом при вышедшем из недр революции военном диктаторе Франции, а вскоре и повелителе Европы, на сцене, в одной из первых ролей в великой исторической драме, появляется утонченный, проницательнейший, талантливейший аристократ, который силой своего необычайного ума не только сразу же вполне безошибочно предугадывает неизбежную политическую гибель своего собственного класса и полное торжество чужого и антипатичного ему лично класса буржуазного, но знает наперед, что в этой борьбе будут всякого рода остановки, попятные шаги, новые порывы, новые превратности в борьбе сторон, и всегда предугадывает наступление и правильно судит об исходе каждой такой схватки.

Это чутье всегда заставляло его вовремя становиться на сторону будущих победителей и пожинать обильные плоды своей проницательности. Что такое *убеждения* — князь Талейран знал только понаслышке, что такое *совесть* — ему тоже приходилось изредка слышать из рассказов окружающих, и он считал, что эти курьезные странности (*убеждения* и *совесть*) могут быть даже очень полезны, но не для того, у кого они есть, а для того, кому приходится иметь дело с их обладателем. «Бойтесь первого движения души, потому что оно, обыкновенно, самое благородное», — учил он молодых дипломатов, которым напоминал также, что «язык дан человеку для того, чтобы скрывать свои мысли».

Но предавая и продавая по очереди за деньги и за другие выгоды всех, кто пользовался его услугами, менявшийся, как хамелеон, не продав на своем веку только родную мать — да и то, по выражению одного враждебного ему журналиста, исключительно потому, что на нее не нашлось покупателей, — князь Талейран никогда по существу не изменял только этому прочно победившему, чуждому ему лично буржуазному классу, и именно потому, что считал победу буржуазии несокрушимо прочной. Даже когда он совершил в 1814 году очередное предательство и стал на сторону реставрации Бурбонов, то он изо всех сил старался втолковать в эти безнадежные эмигрантско-дворянские головы, что они могут сохранить власть исключительно при том условии, если будут своими руками делать нужную новой послереволюционной буржуазии политику.

Но Талейран оказался человеком новой буржуазной эпохи не только потому, что всю жизнь, изменяя всем правительствам,

неуклонно служил и способствовал упрочению всего того, чего достигла крупная буржуазия при революции и что она старалась обеспечить за собой при Наполеоне и после Наполеона. Даже в самых приемах своих, в методах действия Талейран был дипломатом этой новой буржуазной эпохи. Не аристократический «двор» с его групповыми интересами, не дворянство с его феодальными привилегиями, а новое, созданное революцией буржуазное государство с его основными внешнеполитическими потребностями и задачами — вот что обозначал Талейран термином «Франция».

И он знал, что все эти затейливые придворные и альковные интриги, все эти маскарадные посылки эмиссаров и негласных сотрудников, все эти расчеты на влияние такой-то любовницы или на религиозное суеверие такого-то монарха, — что все эти ухищренности и погрешности дипломатии XVIII столетия теперь уже ни при чем и что наступило время, когда нужно считаться и у себя, и в чужой стране с банкиром, а не с королевской фавориткой, с биржевыми облигациями, а не с перехваченными интимными записочками, с такими дуэлями, на которых дерутся при помощи таможенных тарифов, а не при помощи рыцарских рапир. Сообразно с этим он и действовал непосредственными словесными заявлениями, нотами, меморандумами, посылкой официально аккредитованных дипломатических представителей и старался влиять при этом либо демонстрацией готовности к военным действиям (когда это было уместно), либо ловким, своевременно проведенным маневром сближения с той или иной великой державой.

И в этом он оказался замечательным мастером. Слуга буржуазного государства, Талейран резко отличался от Меттерниха*, дипломата старой школы, абсолютно не понимавшего, что первая половина XIX столетия ничуть не похожа ни на середину, ни даже на конец XVIII века; он нисколько не походил и на русского канцлера Карла Васильевича Нессельроде**, который гордость свою полагал в том, что был всю жизнь верным камердинером Николая I. Талейран не похож и на Бисмарка, который, правда, никогда не был ни вором, ни взяточником — каковым был

* *Клеменс фон Меттерних* (1773–1859) — австрийский государственный деятель и дипломат, министр иностранных дел в 1809–1848 гг.

** *Карл Васильевич Нессельроде* (1780–1862) — российский государственный деятель, министр иностранных дел в 1816–1856 гг.

и остался до конца дней Талейран, — но все-таки не изжил до конца некоторых вреднейших для дипломата буржуазной эпохи иллюзий. Бисмарк, например, долго думал, что франко-русский союз абсолютно невозможен, потому что царь и «Марсельеза» непримиримы, и когда Александр III выслушал на кронштадтском рейде в 1891 году «Марсельезу» стоя и с обнаженной головой, то Бисмарк тогда только понял свою роковую ошибку, и его нисколько не утешило глубокомысленное разъяснение этого инцидента, последовавшее с российской стороны, — что царь имел в виду не слова, а лишь восхитительный мотив французского революционного гимна. Талейран никогда не допустил бы такой ошибки: он только справился бы вовремя и в точности о потребностях русского казначейства и о золотой наличности Французского банка и уже года за два до Кронштадта безошибочно предугадал бы, что царь без колебаний почувствует и одобрит музыкальную прелесть «Марсельезы».

Поскольку Талейран, совершенно независимо от своих всегда своекорыстных субъективных мотивов, способствовал упрочению победы буржуазного класса, постольку он объективно сыграл положительную, прогрессивную историческую роль. Его личные качества возбуждали негодование, смешанное с омерзением, в честных натурах, вроде Жорж Санд*. Он казался каким-то «духом зла» многим, вроде члена Французской академии Брифо, который, при общем смехе, саркастически утверждал, будто дьявол сказал Талейрану, когда тот, прибыв после смерти в ад, явился к нему с визитом: «Милейший, благодарю вас, но сознайтесь, что вы все-таки пошли еще несколько дальше моих инструкций!» Но нас тут больше интересует другое.

Я указывал уже, что Талейрана стали усердно поминать после мировой войны и поминают его чаще всех именно критики современных дипломатов. «И не стыдно Жоржу Бонне, который сидит в кресле великого Талейрана, что он так позорно был обманут Гитлером!» — читали мы совсем недавно, в январе 1939 года, во французской радикальной печати. Тут все неверно. Во-первых, министр

* Жорж Санд, говоря о противоречивом характере Талейрана, отмечала: «Никогда это сердце не испытывало жара благородного деяния, никогда честная мысль не проходила через эту трудолюбивую голову. Он — такая редкостная чудовищность, что род человеческий, презирая его, все-таки созерцал его с глупым восхищением».

иностранных дел в кабинете Даладье Жорж Бонне вовсе не был «обманут» Гитлером, а сознательно и с полнейшей готовностью столкнулся с Гитлером и умышленно ему помог. Во-вторых, нынешний критик действий Жоржа Бонне не понимает (или не хочет понять), что Талейран жил и действовал в эпоху круто идущего в гору капиталистического развития, в эпоху начавшегося и быстро прогрессирующего расцвета буржуазного класса Франции, когда этот класс еще мог и хотел отстаивать свои интересы и свои претензии перед лицом буржуазии других стран всеми имеющимися у него средствами: то огнем и мечом, то дипломатическим искусством.

Министр финансов,
министр иностранных дел Франции
Жорж Этьен Бонне
(1889–1979)

И тогда к этому классу шли на помощь самые могучие воины, самые блестящие дипломаты, самые нужные ему таланты во всех сферах политической деятельности — к нему шли Наполеоны и Талейраны. А теперь это класс, который уже думает не о борьбе с чужой буржуазией, но о союзе с ней, чтобы вместе ударить на общего врага, на пролетариат. Дело вовсе не в различии размеров умственных средств, дело вовсе не в том, что сравнивать в области дипломатического искусства того же Жоржа Бонне с Талейраном — то же самое, что сравнивать в области поэзии Тредьяковского с Пушкиным. Дело в совсем разных заданиях, которые ставила могучая, молодая, хищная, алчная буржуазия своим слугам в начале XIX века и которые дряхлая, гибнущая, разбогатевшая, пресытившаяся, трясущаяся над своими золотыми миллиардами буржуазия ставит им сейчас.

Нельзя требовать от человека, чтобы он одерживал дипломатические победы, когда его, в лучшем случае, напутствуют такими словами: «Делай вид, что борешься с врагом, с Гитлером, но помни, что очень сильно его бить все-таки не следует, потому что он,

чего доброго, и всерьез может грохнуться на землю, — а без него что мы тогда будем делать с мировой революцией?»

Традиции лукавства, непрерывных и разнохарактерных обманов, полной бессовестности, предательского нарушения и буквы и смысла самых торжественных трактатов и обещаний — все это благополучно передавалось буржуазным дипломатам от Талейрана через поколение в поколение вплоть до сегодняшнего дня. И уже поэтому читатель, который никогда не должен забывать о вражеском внешнем капиталистическом окружении, имеет основание желать, чтобы его ознакомили с исторической фигурой Талейрана и с его биографией.

Но, знакомясь с этим в самом деле замечательным индивидуумом, читатель должен помнить, что история положила непроходимую пропасть между объективными результатами деятельности Талейрана и результатами ухищрений нынешних его последышей.

«Социальный заказ», который буржуазия Франции некогда дала Талейрану, был по самому существу прогрессивен; «социальный заказ», который она теперь дает талейрановским потомкам, ведет прямо и непосредственно в черную ночь озверелого деспотизма и ярого мракобесия. Талейран помогал буржуазии хоронить феодальное Средневековье — и ему суждены были успехи. Его нынешние наследники стремятся во имя спасения той же буржуазии круто повернуть историю вспять и изо всех сил помогают в Европе фашистским варварам, которые нагло воскрешают наихудшие стороны того же давно сгнившего средневековья. Немудрено, что этих последышей постигают на их безнадежном пути только позорные неудачи и разочарования.

ВВЕДЕНИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ (1948 г.)

Работа над переизданием моей книги о Талейране, значительно увеличенной в объеме и дополненной новой документацией, была предпринята мною по двум побуждениям.

Во-первых, мне хотелось дополнить прежнюю очень сжатую характеристику новой печатной и архивной документацией, больше всего относящейся к роли Талейрана в истории внешней политики России. Во-вторых, когда наша небольшая группа работала над трехтомной «Историей дипломатии», нам, сотрудникам, и нашему безвременному ушедшему редактору В. П. Потемкину много раз приходило в голову, что на советской историографии лежит ученый и политический долг систематически, в ряде монографий показать и доказать многое, чего в общей «Истории» возможно было коснуться лишь на нескольких страницах, а иногда и в немногих строчках. Не хватало и не могло хватить места для многих даже и очень существенных частных в книге, хронологические рамки которой включают человеческую цивилизацию с глубокой древности и до сегодняшнего дня, и нельзя было, конечно, самым широким кругам советской общественности предлагать десяток или полтора десятка томов.

В частности, я чувствовал себя обязанным дать некоторые иллюстрации конечных выводов заключительной главы третьего тома «Истории дипломатии», которая называется: «О приемах буржуазной дипломатии». Когда я ее писал, то мне чуть ли не на каждой странице приходилось особенно жалеть, что так удивительно скудна на Западе подлинно научная литература по истории дипломатии, потому что каждый тезис главы следовало бы иметь возможность иллюстрировать указанием на работы, прямо к этому тезису относящиеся.

Как говорится в конце упомянутой главы, высокое призвание советской дипломатии облегчается тем, что она владеет могучим оружием, каким не располагают ее соперники, — марксистским учением о законах общественного развития; и я делал прямой вывод: советской дипломатии удавалось благодаря этому надежному теоретическому оружию не только правильно разбираться

в происходящих явлениях международной жизни, но и предвидеть дальнейшее направление их развития.

И уже тогда, когда писались эти строки, мне захотелось напомнить читателю о том, кого именно буржуазная дипломатия до сих пор продолжает рекламировать в качестве величайшего образца, достойного подражания, о Талейране. Ведь даже те редкие представители обширной и все растущей буржуазной литературы о Талейране, которые не преклоняются слепо перед ним и перед его высокой политической «мудростью», все-таки не могут воздержаться от признания его мнимой «гениальности», кончают мягкими, иной раз сочувственными общими оценками.

Мы постараемся вполне точно разобраться в движущих психических силах этой по-своему замечательной индивидуальности и в том, что несравненно важнее, — в основных причинах успехов Талейрана, в условиях, которые позволили ему сыграть его роль; постараемся разобраться и в том, что именно он учитывал правильнее многих современников, и в том, в чем он иногда со своими предсказаниями благополучно (или, точнее, неблагоприятно) проваливался.

Деятельность Талейрана принадлежит не только истории, но и современности. На мировой арене действует еще дипломатия, до сих пор, как уже сказано, признающая (и очень откровенно при случае провозглашающая) князя Талейрана достойным образчиком для подражания. И не только практическая дипломатия, но и историческая наука в Европе и Америке не устает популяризовать этот культ. Ведь не только легковесные пошлые фельетонисты, нагло развязанные компиляторы вроде Фабр-Люса* в популярных книгах, выходящих в массовых тиражах (двадцатью девятью изданиями), продолжают поднимать растленную личность Талейрана на щит.

Всего несколько лет назад появилась книга широко известного буржуазного ученого Гульельмо Ферреро, где торжественно, в тоне вещего барда, он воспекает великие подвиги, доблесть и боговдохновенную мудрость Талейрана, «спасшего», «восстановившего»

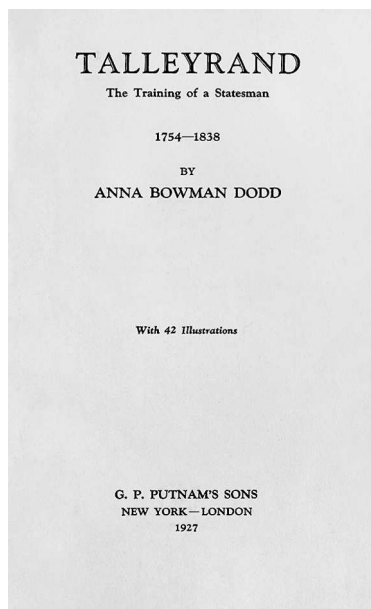
* *Альфред Фабр-Люс* (1899–1983) — французский публицист, политический деятель, журналист, писатель. Представитель правых «неконформистов тридцатых годов», искавших «третий путь» между социализмом и капитализмом, антикоммунист с симпатиями к авторитаризму и фашизму. Поддержал Мюнхенское соглашение 1938 г., выступал против войны в Европе.

на Венском конгрессе Европу при содействии двух других благодетелей человечества: Людовика XVIII и Александра I... И все эти благоглупости не стесняется писать человек, создавший себе еще сорок лет назад некоторую репутацию своей историей Рима.

Чтобы покончить с этой характерной нынешней буржуазной популярной литературой о Талейране, упомянем, что Америка не отстает от Европы. «Талейран. Обучение государственного человека», — так называется вышедшая не так давно в Нью-Йорке книга Анны Боумен Додд. В подлиннике название звучит еще выразительнее — *The training of a statesman*.

В слове «*training*» есть и «обучение», и «подготовка», и «тренировка». Анна Додд держится самого отрадного мнения о Талейране и говорит о нем: «Как человек он был достоин любви», он — «великий государственный человек» и т. д. Вообще содержание и тон этой популярной книги таковы, что странный на первый взгляд подзаголовок ее становится понятен: Анна Додд своим горячим апологетическим тоном явно намекает, что и в наше время тот, кто в Америке или Европе глядит в государственные мужи, должен соответствующим образом «тренироваться» и готовиться к своей карьере, изучая столь недостижимый экземпляр дипломатического (и общего) совершенства, каким был по ее оценке князь Талейран. Она именно и рассказывает жизнь Талейрана как пример в высшей степени удавшейся подготовки человека к этой трудной специальности.

Настоящая моя работа дает конкретную иллюстрацию и реальный комментарий к некоторым положениям нашей коллективной

Титульный лист книги
Анны Боумен Додд
«Талейран. Подготовка политика».
1927 г.

«Истории дипломатии»^{*} и прежде всего уточняет документальными данными главу, относящуюся к первой трети XIX в.

Советская дипломатия, выводящая мировую международную политику на совсем новые, светлые пути, боролась в прошлом и продолжает бороться в настоящем за устранение из практики международных отношений того принципа вечной «войны всех против всех», который лучше всего выражается лаконичным афоризмом Томаса Гоббса: «Человек человеку — волк» (*homo homini — lupus est*).

Талейран — деятель того времени, когда этот принцип еще вполне и невозбранно господствовал. Буржуазная революция 1789 г., столь многое изменившая, этого принципа традиционной дипломатии ничуть не пошатнула и не могла пошатнуть. Менялись постепенно цели, по-своему «совершенствовались» методы, но принцип оставался в полной силе, потому что не менялись основы дипломатической борьбы при господстве социально-экономического строя классового общества.

В капиталистических странах отказа от традиционной дипломатии пока нет и в помине, да и не может быть, и поэтому ничего нет удивительного и в том интересе, который обнаруживают некоторые современные политические деятели, публицисты и историки в Европе и Америке к такому своего рода «маэстро» в этой области, как Талейран.

Эта живучесть традиции, ярким представителем которой был пресловутый французский дипломат, является еще одним мотивом, побуждающим советскую историографию напомнить нашему читателю о том, какие главные выводы из имеющихся материалов возможно сделать относительно деятельности этого человека, который так долго не сходил со сцены всемирной истории.

При подготовке к печати данного переработанного и дополненного рядом документальных показаний издания моей книги мне очень помогло содействие ряда лиц и учреждений. Приношу здесь искреннюю благодарность начальнику архивного управления Министерства иностранных дел В. М. Хвостову, заместителе-

^{*} Главы, написанные Е. В. Тарле для 3-томного коллективного труда «История дипломатии» и относящиеся к описываемому в книге «Талейран» историческому периоду, помещены в последнем разделе данного тома.